

СТАТЬИ И ЭССЕ

*А.Е. Карпов**

Различение. Пространство в городе

Так или иначе структурируя мир, мы либо применяем давно устоявшиеся правила, которые не в состоянии изменить, либо следуем некоей упорядочивающей традиции в достаточно свободных рамках, либо сами «производим» какие-то правила. Каждый упомянутый вариант может быть описан в нескольких социологических традициях на богатом эмпирическом материале. Представляется, однако, что в отличие от классических различений (сырое-приготовленное, богатое-бедное, сакральное-профанное [11; 20; 28]), принятие либо непринятие которых становится очевидным для других членов общества, приложение ритуалов упорядочивания и различения к пространству, в частности, к городскому, не столь транспарентно. Источником своеобразия пространственных различений может являться именно их относительная слабость, незначимость для отдельного человека, групп, сообществ в плане инструментальном, в том числе порождающем конфликты. Многовековое развитие интересубъективного – это в значительной степени как раз развитие установлений, порядков и правил определения истинных иерархий, согласования противоречий, способов их устранения (или устранения их носителей) [4; 5]. Долгое время, от зарождения городского образа жизни до начала периода метрополий, организация городского пространства безусловно воспроизводила системы различения, заложенные и воспринятые в более широком интересубъективном (в данном случае – социальном). Иными словами – городской образ жизни в современном понимании, как образ жизни метрополии (вслед за Г.Зиммелем, мы противопоставляем термин «метрополия», под которым подразумевается очень большой город с новыми свойствами, просто городу [9; 19; 27]) начинается тогда, когда появляется такая область социального, где все остальные системы различения размыты и ослаблены. Существующие именно здесь, на поле городского пространства, системы различения не приводят к конкуренции, компромиссам и борьбе, что могло бы повлиять на остальную социальность, и потому не привлекают внимания общества надолго. Соответственно, возможны, по крайней мере, три варианта развития, при которых различения в городском пространстве могут оказаться ключевыми для социального производства. Это, во-первых, деурбанизация социальных порядков при сохранении городской формы поселений, то есть рустификация мегаполисов. Есть множество частных вариантов этого способа развития, описанных, наряду с некоторыми ключевыми эпизодами, в литературе. Во-вторых, стремительная урбанизация, превращение в метрополии прежде доурбанистических сообществ с соответствующим смещением разных порядков. Данная версия также пользуется вниманием социологов. В-третьих, накопленный за несколько (максимум – 15) поколений социальный опыт жизни в метрополии становится реифицированным до такой степени, что порождает такую же

* *Карпов Антон Евгеньевич* – магистр социологии, младший научный сотрудник отдела управления социально-экономическими процессами региона Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, старший преподаватель кафедры социологии НТГУ
© Антон Карпов, 2001 г.
© Центр Фундаментальной Социологии, 2001 г.

напряженность, которую вызывали все остальные ритуализованные порядки жизни прежде. На наш взгляд, все три варианта могут быть рассмотрены применительно к современной ситуации в России и в странах Восточной Европы.

Семиология городского пространства

Попробуем прежде всего дать релевантное определение через приложение термину «различение». В наборе предметов их упорядоченность должна быть столь же однозначна, как и порядок выше – ниже. При этом, если нам удастся одним локусам, территориям, ареалам присвоить некое свойство, отличающее их от других, то нет необходимости озадачиваться новым поиском – различение должно остаться видимым.

Различение можно рассматривать как один из фрагментов общей теории знаковых систем, которая тоже рассматривается с нескольких разных точек зрения, а социально-антропологические приложения, в свою очередь, отличаются по своему содержанию.

Другой термин, который необходимо определить – «городское пространство». Представляется риторическим допущение А.Ф. Филиппова [14], что стоит добавить в словосочетание «социология пространства» слово «городского», и все тут же становится ясным. Многозначность понятия «городской» (сколько городов – столько и специфических значений), многослойные контаминации (любой перекресток в городе – это место встречи множества встреч) расшатывают уверенность социолога. Безусловно, чистые случаи возможны (одинаково спланированные города, жесткая рука свободного рынка земли), и в определенные периоды понятие «городское пространство» бывает более-менее прозрачным [24]. Но не в России в конце XX – начале XXI века. Обзор некоторых точек зрения по этому вопросу представлен в работах А. Чешковой, Е. Герасимовой, С. Чуйкиной, В. Вагина [13].

Семантика городского пространства

Чтобы рассмотреть проблему различения в городском пространстве в рамках любого из трех вышеупомянутых вариантов (рустификация, стремительная метрополизация и реификация), – идет ли речь об общественном дискурсе или о социологической полемике, – следует проанализировать сложившуюся терминологию с точки зрения восприятия физического пространства на разных уровнях социальных перспектив. На эмпирическом материале нетрудно продемонстрировать, как жители большого города описывают понятия центра города, своего района, границ тех или иных образований (города, района, центра) в разном контексте (разные речевые ситуации и ситуации интервью). Следующий логичный шаг – анализ применимости различных парадигм, существующих в социологии, социальной географии, социальной антропологии и смежных науках, к интерпретации этого повседневного восприятия и социального знания.

Когда речь заходит о семантических системах, особое внимание всегда уделяется семантической упорядоченности, соответствию иерархий обозначающего, знаковых систем – их референту, обозначаемому. Устойчивые закономерности такой упорядоченности, как предполагается, связаны не с физикогеографическими, ландшафтными, политэкономическими особенностями, а с отнесением данного сообщества к некоторым культурно-историческим общностям более высокого порядка, чем нация, и к месту в системе данной общности.

Предложим частный, но тем не менее исключительно важный пример. Одна из перспектив такого отнесения – столичность-провинциальность-периферийность. Наблюдения, анализ сочинений, интервью, текстов разного типа (газетные и

журнальные публикации, телепоток, интернет-ресурсы, в том числе и тематические обсуждения, художественная литература) демонстрируют принципиальную значимость символической нагруженности городских пространств в особенных городах. Это не просто (и не всегда) столицы, а мировые столицы, города, где с некоторой регулярностью вершатся судьбы всего человечества. Неизгладимый след, который оставляют происходящие здесь политические или культурные события на нашей общей истории, ясно осознаваем, артикулирован. Эта артикуляция выражается не только и не столько в виде мемориальных досок, монументов, указателей в туристических справочниках, а в формировании в сознании, поведении, дискурсе и хабитусе (то есть между и одновременно в поведении и сознании) горожан некоего ценностного комплекса. Собственно говоря, различие дискурса, хабитуса и фоновых практик как категорий, равноприложимых к предметной области, – сфера приоритета социологии пространства и социологии города. Установка на местный патриотизм, статусная структура, связанная с принадлежностью (и степенью принадлежности) к горожанам (римский гражданин, патриций, почетное семейство, настоящий москвич и лимитчик, парижанин из 9 округа) – все это не могло не отразиться и на работах социальных исследователей. Главные (на наш взгляд) работы в области социологии пространства и социологии городского пространства написаны людьми, для которых включенность в судьбу этих главных городов – Берлина, Чикаго, Парижа, Лондона, Вены, Москвы, Санкт-Петербурга и других – актуализирована со всей очевидностью. Поэтому, когда автор принужден ссылаться на свой опыт переживания некоторых из великих городов, он не должен упускать из виду – главное в поиске семиологии города и семантики городского пространства – поиск пресловутой универсальной бессознательной праструктуры, которая существует в больших и средних городах периферии. Здесь – в Омске, Саратове, Экибастузе – но главное – в Новосибирске – есть место для патриотизма (иногда обращаясь в квасной), для трепетного отношения к своим великим людям, важным событиям, но само по себе пространство города проживается как часть персональной истории человека и сообщества. Нам кажется, что, приходя на древние (или очень дорогие) камни мировых столиц, социология уходит из своей области, а разбираясь со смыслом вариантов и инвариантов областных центров, – возвращается к себе.

Заявленная тематика предполагает, что будут затронуты проблемы, обычно называемые детерминистическими. Их круг широк, но выделим лишь некоторые. Вот одна из них. Кто кого структурирует? Скорее, коммуникация структурирует пространство. Это, разумеется, не постулат, а промежуточный теоретический вывод, опирающийся на попытки систематизации эмпирических наблюдений и увязки расходящихся теоретических концепций. С другой стороны, нам бы не хотелось отказываться от социологизации пространства под тем предлогом, что его структура не первична в обществе, ведь эта не-первичность неотрефлексирована, или, по крайней мере, остается предметом сомнения для практиков – будь то риэлтеры, инвесторы (вкладывающие инвестиции в жилье и в дороги) или просто горожане.

Вот, к примеру, мнение архитектора-градостроителя:

«Прежде всего, я хотел бы остановиться на мотивах... Дело в том, что мы давно занимаемся теорией городской среды и проблемами, связанными с ее формированием. Мы исследуем городскую среду не только с культурологических позиций, но и с позиций градостроительных, хотя, конечно, не отраслевых, а теоретических. Тем не менее мы раньше никогда не пытались сделать теорию пространственной организации или теорию городской среды предметом плановой научной работы. А когда попробовали, то выяснилось, что многие наши уважаемые коллеги высказались крайне негативно в отношении возможности ее осуществления. Причем, именно в отношении

самого принципиального вопроса – правомочно ли вообще говорить о теории пространственной организации и, если возможно, то как можно очертить контуры такой теории. Вопрос решается простой – возможна ли теория в пространственной организации города, возможно ли вообще говорить о теории в традиционном смысле применительно к городскому пространству. Это первая часть. Может быть, самая важная. Вторая тема, наше видение основ такой теории. Итак, почему я считаю, что так говорить можно, и более того, нужно. И почему этот тезис вызывает недоверие со стороны совершенно разных научных кругов и разных школ, в том числе практиков – градостроителей. Коротко, мой ответ состоит в том, что мы выросли и работаем в рамках особой дисциплины – архитектуры, внутри которой возможность существования какой-либо теории позитивистского типа всегда, и вполне обоснованно, отвергалась. Наше представление о современном состоянии городского планирования или градостроительства заключается в том, что мы понимаем эту дисциплину не столько как внутриархитектурную, но по преимуществу как научно-проектную, конструктивную, в том смысле, как теоретическая география некоторыми учеными называется конструктивной географией. Методы построения теории, с точки зрения рассматриваемых вопросов, делятся на две крупные группы – позитивистские и феноменологические. Подробнее об этом мной уже писалось ранее. Главный признак, отличающий эти методологические схемы – позиция субъекта по отношению к рассматриваемому им явлению. При отстраненной позиции ученого – отношении к городу или другому территориальному образованию как объекту – формируется корпус научного знания позитивистского толка. При включенной позиции – отношении к городу как освоенному месту, наполненному смыслами и следами личного переживания – формируется корпус средовых «знаний-пониманий» феноменологического толка. Архитектурная парадигма отличается от перечисленных тем, что это прежде всего проектная деятельность, которая ближе всего лежит к искусству. Перед архитектором всегда стоит задача созидания, а не исследования, и действует архитектор, опираясь не на научное знание (т.е. знание, полученное и оформленное особым образом), а на мастерство и опытное знание – умение. Кроме этого, архитекторы не верят, что объекты, с которыми они работают, имеют свою собственную природу, не подвластную человеку, их запроектировавшему и построившему. Каждый раз среди архитекторов вызывают бурю протестов попытки описывать город как квази-естественные объекты с устойчивыми повторяющимися связями, описываемыми закономерностями, базирующимися на статистическом анализе. Вот делать типологии или классификации – это можно, поскольку все объекты отличаются друг от друга. Описывать же поведение людей гравитационными моделями и, на этой основе утверждать, что центр города все же лучше запроектировать в другом месте, а не на “высоком берегу реки”, где никого не бывает – вот этого нельзя» [6].

В каком-то смысле данный отрывок представляет собой свидетельство практиков о том, что нечто социальное (коммуникация в первую очередь, именно коммуникация есть суть понятия «умения архитектора», твердая рука и хороший глазомер – это обязательный, но всё же довесок к символическому конструкту) структурирует городское пространство. Конечно, попутно заявляется, что и установленные (придуманные, сконструированные) закономерности семантики, коммуникации и всего социального вообще – тоже не могут накинуть узду на творчество и искусство, но это уже заявление риторическое – архитекторы и градостроители давно апеллируют не только к гравитационной модели, но и к другим социологическим конструкциям (сошлемся в первую очередь на Л.Мамфорда и К.Зитте). В нашем эмпирическом материале такие апелляции еще более радикальны – это касается и строительства метро (интервью с главным инженером Новосибирского

метропроекта и Ленметрогипротранса), и архитектурного облика центров Новосибирска и Барнаула (публикации в журнале «ПРО» и высказывания в телепрограмме «Архитектон»). Более того, специфический источник (www.ngs.ru/fogum, разделы «Новосибирск – «за и против»») наводит на мысль, что рефлексирующий горожанин по умолчанию встает на позицию архитектора и строителя, артикулированную А. Высоковским [12].

Таким образом, теперь допустимо переформулировать текущий вопрос из «как производится различение городского пространства» в «как осуществляется различающая коммуникация и/или коммуникация по поводу различения городского пространства и/или коммуникация по поводу городского пространства». Иными словами – то, как мы говорим, в конце концов неизбежно определяет то, как мы видим город и ходим по его улицам, т.е. – городское пространство. Вроде бы очевидно, что наши жизненные миры определены коммуникацией. Представляется важным по этому поводу обратиться к Р.Барту и к Ю.Хабермасу. С позиций антропологии культура человека явилась результатом онтогенеза членов различных родов. Отход от чисто инстинктивных поведенческих образцов мог быть компенсирован лишь зарождавшимися культурными жизненными формами. Этологи полагают, что в процессе ранней культуры внутренние (биологические) и внешние аспекты не могут быть отделены друг от друга, они инстинктивно связаны, элементы внешнего мира инкорпорированы в генетический код. Трудно понять, как произошло усложнение биологического механизма инстинкта: сохранялись инстинктивные поведенческие схемы, и в то же время происходило зарождение символов. Наиболее адекватная теория эволюции, которая тематизировала систематические взаимосвязи подавления инстинктов и развития культурных жизненных форм, пытается объяснить это сроками замедления развития зародыша. Кроме того, согласно этой теории, первая стадия культурации была заложена субчеловеком, (что маловероятно), с его инстинктивным регулированием поведения и новым приобретением – символически организованными регуляторами (иными словами – переключателями). Однако археологические данные этого не подтверждают. Наши предки обладали экстраординарной пластичностью двигательной системы, которая открывала неограниченные возможности к действию – им осталось только захотеть построить необходимые культурные структуры.

Исследуя в процессе реконструкции реальные антропологические условия ситуации, сложившейся на начальной стадии культурного развития, мы увидим, что структурные меры можно зафиксировать с самого начала на уровне действия, т.е. в реальном взаимодействии; а потому превосходства, приписываемого Ю. Хабермасом символически организованному уровню интерпретации на этой стадии, просто не существует. Ещё более основательно это наблюдение подтверждается при исследовании условий развития с момента онтогенеза. Тогда можно заметить, что «социальная интеграция должна быть обнаружена не на уровне интерпретации ритуально установленного изначального консенсуса, а в житейской практике семейных взаимоотношений» [21, с.185 – цит. по переводу К.Пальцевой]

Обратимся по этому поводу к общеизвестному факту, иногда ошибочно трактуемому как метафора. Развитие индивидуального организма повторяет стадии развития его биологического вида. Суть метафоры в следующем: она аналогична тому, как в индивидуальной биографии в каждый момент времени мы имеем свободу выбора (сошлемся хотя бы на З.Баумана [14]), в истории социальности, на определенном этапе один из вариантов превращается в систему инвариантов, закрепленных так глубоко, что они не могут быть поставлены под сомнение (здесь нельзя не вспомнить про генеративную грамматику Н. Хомского [15]). Приведенная аргументация предполагает

не развитие историко-археологического или биофизиологического исследования, а утверждение того, что семиология и этология работают на едином поле и социология городского пространства – один из многочисленных фрагментов их пересечения. «Возвращаясь к сравнительной этологии, интересно отметить, что одной из ее самых первых мотивировок была надежда, что путем исследования априорных, врожденных рабочих гипотез, наличествующих в более простых организмах, чем человек, станет возможным прояснить априорные формы человеческого мышления. Это формулировка Лоренца» [15, с.112]. Таким образом, дисциплинарная область нашего исследования оказывается ближе к пересечению этологии и семиологии. Немаловажно, что семиология жизненных миров четко разработана в обыденной речи (мы уже работаем с целевым эмпирическим материалом). Можно утверждать, что сведения о местах работы, жительства, проведения свободного времени, ощущения тех или иных пространств или мест (в данном случае различие существенное), формирование субпространств и субкультур пространств (челночные и хаотические миграции, структурированное потребление, приватизация пространства) достоверны и не могут быть заподозрены в заражении артефактами. Все это все уже было и до прихода социолога.

Но город Новосибирск (как и любой другой город) – это не контейнер, куда помещены кафе, станции метро, остекленные девятиэтажки и магазины. Если оставаться в рамках диафоры, то, во-первых, это большая жаба, мечущая икру. Во-вторых, это облако. Границы его рыхлы, и мы не можем идентифицировать принадлежность разлетевшихся ошметков. Предполагают, что первичная схема пространства для горожан – это что включается, а что не включается в город (район, квартал, обозримое пространство). Что могут сказать по этому поводу горожане? И на какой вопрос они должны отвечать?

Корректная постановка исследовательского вопроса на тему первичной схемы остается, на наш взгляд, нерешенной методической задачей. Проблема не в недостатке времени, предварительных размышлений и концептуализаций или отсутствии возможности проводить неоднократные исследования. Сначала нужно снять ложную, как нам кажется, предпосылку, что люди концептуализируют понятие «город» (пространство города на уровне концепции тождественно понятию «город») в общем для всех поле или что можно градуировать уровни этих логических полей размышления «принадлежит моему месту – не принадлежит моему месту обитания, жительства и т.д.» на общем основании (возможно, здесь стоит попытаться действительно описать все, что гипотетически фальсифицируемо). Предположение о существовании принципиально разных оснований внутреннего, мысленного обращения с пространством, что приводит, с одной стороны, к принципиально разным вербальным концептуализациям, а с другой – к фиксируемым беспристрастным наблюдателем различиям в образе жизни, переносит наши проблемы в совершенно другой ракурс. Надо описать эти поля, эти разные концепции и разработать инструмент отнесения субъекта (респондента или автора социологического или географического текста) к определенному типу (по всей видимости, в работе Ю. Красниковой¹ – это «нейтральный тип» – безразличные к внешнему окружению). Мы не пришли к окончательному решению, как назвать эти типы. Читателю будет любопытно узнать, что исходными вариантами были слова «штамм», как у бактерий, или более человеческое, но более нагруженное – «раса». Реакция читателя – ужасно, расизм. И поскольку это действительно так, естественно предположить, что разница в территориальном поведении есть некоторая устойчивая биологическая характеристика,

¹ Работа будет опубликована в сборнике «Социология городского пространства».

которую можно назвать расой (хотя это не будет коррелировать с этничностью или другими социобиологическими характеристиками, во всяком случае, мы этого не наблюдаем). Но предварительно нужно оговориться – теоретическая работа проведена, предпосылка: «есть разные основания восприятия и оперирования городским пространством, мы это обнаружили в принципиально разных ответах на одни и те же вопросы» приводит к заключению о существовании, по крайней мере, двух эмпирически фиксируемых комплексов. Комплексами мы их называем потому, что это не совсем предпосылки и не идеальные типы – они не референтны в реальности даже на идеальном уровне, не приводят к определенному типу социализации и даже не могут быть предположительно соотнесены с какими-то еще формами социального поведения, кроме пресловутого оперирования с пространственными (а точнее, только с городскими) категориями.

Одни люди умеют различать пространство, территории в городе так, что для них существенны и значимы многие детали, другие – не придают этому значения, им присущ своего рода дальтонизм к городскому пространству. Представляется уместным для социологических целей определить эти «расы» людей как два конца континуума, которые описываются как установочные комплексы. Итак, два противопоставленных комплекса – «знать-пользоваться» и «выполнять-понимать» (первые – нетерриториальны, вторые – территориальны). Их рядоположенность очевидна, а противопоставление – нет. Противопоставление, возможно, происходит из того, что комплекс «знать-пользоваться» имеет отношение к понятиям структуры и актора, а «понимать-выполнять» – к системе действия и агенту.

Вопросы семантики тесно соприкасаются с вопросами восприятия [23]. Большой город, новый город, город после долгого перерыва, центр города для жителя окраины, пригорода – все это содержит мистифицирующие, возбуждающие, изменяющие сознание и потому привлекательные компоненты. Главное – именно перевернутые, разрушенные и на что-то замененные системы различения при изменении сознания – границы проходят не там, иерархии перепутаны или перевернуты, появляются новые, прежде неведомые основания типологии и классификации в общем-то того же мира.

Материалы нашего исследования² выявляют следующую тенденцию: те, кто прожил в Новосибирске дольше (больше 30 лет, с рождения), и те, кто относительно ниже расположен на социальной лестнице, склонны определять свой район как более обширный; для них его границы устойчиво более размыты, территория, где они ощущают себя как дома, устойчиво больше, не связана с использованием транспортных средств, иногда покрывает понятие «везде», «весь город», «все левобережье». Границы города для них также представляют нередко нечто более обширное, чем административные или конвенциональные границы. Количество таких респондентов меньше 20, поэтому мы не имеем права делать статистические выводы. Тем не менее заметна тенденция: не отличаясь в целом эмоциональностью или вспыльчивостью, они дают эмоционально окрашенные ответы на специфические «городские» вопросы, например, о вырубке деревьев. Правомерно предположить, что стабильное проживание в пределах агломерации людей с низким уровнем жизни приводит к утрате территориальных ощущений. Но допустимо и обратное – те, кто пренебрегает (в силу каких-то внутренних причин) семантикой пространства, кому присущ территориальный дальтонизм, те и соотносят себя с городом в целом, а город – «размазывают» вплоть до других городов. Они проигрывают в конкурентной борьбе за

² Исследование кафедры общей социологии экономического факультета НГУ, лето 2000 г., 150 респондентов, общегородская квотная выборка.

некоторые материальные ресурсы, они менее мобильны, поскольку для них место проживания не кажется столь нагруженным, как для территориально-пространственно чувствительных особей.

Логично, что «понимание-выполнение» предполагает бóльшую склонность к реификации городского пространства³, его семантической системы, а «знание-пользование» – к постановке легитимации под вопрос⁴. Подробнее об этом – позже, а сейчас мы бы хотели заострить внимание на том, что, как уже упоминалось, данное разделение носит этологический характер.

Понятие территориального пространства развилось в этологии. По Р. Ардри, территориальность задает животному или группе животных некое пространство, определяемое как исключительное – не допускающее других. По Дарлингу, функцией территории является предоставление безопасности и стимуляции. Ардри добавляет, что территория обеспечивает ощущение идентичности, в котором нуждаются все животные, включая человека. Таким образом, территориальное пространство – это такой ареал, который обеспечивает идентичность, безопасность и стимуляцию и в пределах которого происходит подавляющее большинство наших социальных взаимодействий [26].

С. Лайман и М. Скотт вводят четырехступенчатую классификацию территориальности – персональное, телесное пространство (часто описываемое как «пузырь»); территория интеракции (непосредственного взаимодействия); домашняя территория; общественная территория (публичное пространство, которое группа воспринимает как свое). Заметьте, здесь классификация нейтральна к проблемной для рассматриваемой темы области. И. Мусил предполагает, что максимальное чувство безопасности и социального комфорта достигается, когда культурно-экологические факторы (например, нерегулируемая архитектура городской рядовой застройки) производят более дробное членение второй половины этой классификации – частное пространство (соответствующее «домашней территории» Лаймана–Скотта), получастное пространство (внутренний двор), полупубличное пространство, публичное пространство. Эмпирическим свидетельством такого членения Мусил представляет социально санкционированную возможность находиться в разных пространствах в разной одежде. По его мнению, идеальной материальной формой полупубличного пространства являются аркады, и данная архитектурная форма проявляется всегда, когда в условиях нерегулируемости и относительного благополучия сообщества имеют возможность материально реализовать желаемые формы. Совершенно очевидно, что классификация Мусила – это часть комплекса «понимать-выполнять».

По Лайману и Скотту, именно существование социальных норм, управляющих поведением в толпе, демонстрирует социальный характер персонального телесного пространства и публичного пространства [26]. Логично предположить, что общности, социально связанные, не могут включать в себя места (или, как их еще называют, «локусы») наивысшей публичности, для них континуум может продолжаться от уровня приватного до полупубличного. Таким образом, естественными границами, образующими сетку, определяющую максимально возможные размеры сообществ, будут парадные проспекты, набережные, другие «присутственные места» в данном городе. В российских городах нижние ступени упомянутого континуума редко бывают оформлены так, как в Восточной Европе – насколько нам известно, лишь в Санкт-

³ Те, кто «территориален», уже не в состоянии воспринять семиологию города как порождение человеческой коммуникации, она ими управляет.

⁴ Скорее всего, для территориальных дальтоников этот вопрос проявляется в их безразличном отношении, топтании по святыням разграничения, но иногда это осознанный и явный бунт против надуманного структурирования.

Петербурге в старом городе внутренние дворы представляют собой явным образом полуприватизированную зону (вплоть до постройки атриума), и лишь в Москве распространено огораживание – создание охраняемой территории – вокруг жилых зданий или комплексов жилых зданий. В Новосибирске же жители на наш вопрос, хотели ли бы они жить в таком полуприватизированном квартале, отреагировали в целом отрицательно. Более 50% респондентов либо не поняли, о чем идет речь, либо отвечали категорически «нет», около 40% отвечали: «было бы хорошо, но это же все равно невозможно». В целом распределение положительных ответов носило не территориальный характер, а было связано с возрастом – чаще поддерживают идею огораживания жилых территорий молодые респонденты.

Следует отметить, что современная этология (за последние 15 лет) обнаружила, что у всех высших животных (птиц и млекопитающих), у которых ранее было зафиксировано территориальное поведение, существуют как минимум два модуса. Если раньше считалось, что по крайней мере представители одного пола в популяции всегда имеют персональную территорию (для идентификации или для снабжения пищей), то теперь выяснилось, что от 5 до 20% популяции даже территориального пола (гендера?) являются кочующими особями. Они вполне конкурентоспособны в брачный период, участвуют в воспроизводстве вида и обладают минимальным персональным телесным пространством, в то время как большинство их сородичей увеличивают такое исключительное пространство до размеров больших участков. И если раньше результаты наблюдений за ежиками, коршунами и волками мы смело переносили на человеческое сообщество, то новые факты требуют дополнительного осмысления. Теперь необходимо ответить на три вопроса. Первый – как эмпирически более-менее достоверно различать эти две «расы» (или два комплекса, если они в большей степени обусловлены социально, чем досоциально. Имеется в виду, что социальная обусловленность – это то, что можно получить в процессе социализации в течении жизни, а досоциальная – то, что касается истории развития вида и общества) и что следует из их различия. Второй – как на самом деле организована семиология города для тех, кто территориален. Третий – как соотносятся со структурированным пространством, с семантикой города те, кто не умеет соотноситься, но вынужден выполнять некоторые правила.

Попробуем порассуждать.

Пол. С одной стороны, существует такое понятие, как топографическое слабоумие молодых женщин. Действительно, в отличие от других, именно эта группа демонстрирует отсутствие связи время–расстояние. Однако можно предположить, что женщины более чем мужчины ощущают территориальность. Для них актуальнее проблема личной безопасности, особенно в определенное время суток, соответственно они четче ощущают безопасный для себя район и относительно спокойные районы города, чем мужчины. Кроме того, женщины более чувствительны к ассортименту и ценам в магазинах и торговых точках города и должны лучше представлять тренды пространственной локализации. Соответственно, если будет обнаружена корреляция с полом, значит территориальность скорее связана с чувством опасности-безопасности и с потребительским поведением. Если же окажется, что мужчины лучше чувствуют территориальность, значит надо проверить специфические товарные группы (мужские товары), торговлю в разное время суток, и, может быть, связать этот факт с тем, что общество в данном аспекте сохраняет патриархальность – территория поделена между самцами, а самки находятся в собственности самцов и не должны задумываться, где и чья территория.

Возраст. Можно предположить, что для подростков и тех, кто только вышел из этого возраста, свой район четко связан с чувством относительной безопасности и

самоидентификации. В то же время, если человек дольше прожил в каком-то месте, он должен испытывать к нему более сильное чувство принадлежности. Человек, приехавший в город недавно, плохо распознает все городское пространство, для него понятен какой-то уже исследованный район. Таким образом, прежде всего нужно установить, что же такое район обитания, что туда входит и насколько своим все это является. В общем, если интенсивная миграция вызывает снижение чувства территориальности, значит территориальность связана с закрепленной самоидентификацией и признанием этого же свойства за другими. Если повышение – значит территориальность скорее связана с опасностью-безопасностью и когнитивными характеристиками.

И еще несколько замечаний. Во-первых, радикальное различие предполагает появление обособленной символической системы. С точки зрения семантики, для обыденного, житейского сознания, структуры которого закреплены в языке, адекватность и неадекватность окружающей действительности – жизненно важный момент, определяющий выживание той или иной этнической общности, и сам факт существования того или иного национального языка является свидетельством успешного решения этой жизненно важной задачи. Иначе говоря, отсутствие местной топонимики, семантически закрепленной таксономии – признак отсутствия различных подобностей, малых общностей. Более того, мы не сможем узнать, все ли структуры, которые мы обнаруживаем, используются в жизни? Как надо расспрашивать, чтобы узнать, какие структуры описывают жизнь в городе?

Во-вторых, проблема континуум версус неkontинуум. Нами была предложена линейная дихотомия – а почему не замкнутый круг? Вариантов различения, структурирования своего окружения – множество. Гармония, гамма, спектр. В этом смысле те особи или социальные группы, кто оказался по предложенной нами типологии на стороне – «знать/пользоваться», переживают свое знание и осуществляют свое пользование в системе векторов, дихотомий, а те, кто попадает в тип «выполнять/понимать», понимают нечто большее, чем дихотомии, они располагают ненаправленным разнообразием. Представляется весьма уместным по поводу дихотомий привести цитату из Р. Барта: «Обратим внимание, что бинарная классификация вообще характерна для структуралистской мысли; метаязык лингвиста словно воспроизводит на чистом месте бинарную структуру описываемой им системы; заметим попутно, что было бы чрезвычайно поучительно обратить внимание на ту превалирующую роль, которую в современных гуманитарных науках играют бинарные классификации: если бы таксономия этих наук была хорошо изучена, мы, без сомнения, узнали бы много интересного о явлении, которое можно назвать интеллектуальным воображаемым нашей эпохи» [2, с. 249].

Что касается естественных языков, то в них нет ничего такого, что не использовалось бы речью, и, наоборот, речь не может существовать (не отвечает своей коммуникативной функции), если она не почерпнута из того «клада», которым является язык. Подобное соотношение мы наблюдаем (по крайней мере, частично) в системах, подобных пище, учитывая, что здесь факты индивидуального новаторства могут становиться фактами языка. Однако в большинстве других семиологических систем язык создается не «говорящей массой», а определенной группой людей. Отсюда можно сделать вывод, что в большинстве семиологических языков знак действительно произволен, так как создается искусственно в результате одностороннего решения [2, с. 260–261]. Таким образом, архитектурно-планировочные – суть семиология подобного рода. Исследователю так или иначе придется вернуться к описаниям встроенности, диалогов, связности, противоречивости в профессиональных архитектурных суждениях.

Наше исследование носит позитивистский характер. В некотором смысле постановка задачи соответствует традиции структурализма Ф. Соссюра и К. Леви-Стросса [10; 11]. В то же время, методология исследования тяготеет к эмпирицизму, автор полагает, что в полевом исследовании нужно фиксировать непосредственно наблюдаемое поведение членов местного сообщества (в данном случае тех, кто непосредственно присутствует в городе), поведение во взаимодействии друг с другом в их повседневной деятельности. Переход к обсуждению «структуры идей» или «культурного наследия» требует привлечения другого материала, не выводимого из полевых наблюдений. Эмпирицизм кажется более предпочтительным, поскольку ему противопоставлен рационализм, когда «из-за своего интереса к идеям как оппозиции объективным фактам, рационалист-исследователь склонен более интересоваться тем, что сказано, чем тем, что сделано» [28, р. 5]. В определенной степени это выбор вынужденный, поскольку из рассмотрения исключаются все лексические формы взаимодействия, что позволило сузить предмет анализа до лингвистических трансакций и лишь в ряде случаев использовать экстралингвистику и несколько доступных наблюдателю морфем. Во всех странах удастся запомнить слова «спасибо» и «извините», некоторые вопросительные предложения, чего, как было показано [9], достаточно для того, чтобы обрисовать весьма широкую картину.

Сложившаяся методическая традиция предлагает сравнивать структурированность городов между собой, сегрегированность городского населения, стратификационные параметры и т.п. Позитивистская реакция на подобное предложение выражается в проблеме: чтобы сравнивать по таким параметрам, мы должны сначала долго определять, что же мы сравниваем, какие объекты, ведь все реальные города существуют в разных социально-экономических условиях, потому-то и сегрегированность принципиально разная, там по выплаченным налогам, тут – по годам образования. Чем крупнее город, чем более в нем выражена космополитичность, чем больше он похож на метрополию Г. Зиммеля [19; 27], тем острее будет стоять эта проблема. Другая проблема – как сравнивать «нечто» городов, если в одном месте сложившаяся община меньше города, в других – больше. Считать человека москвичом, если он родился в Солнцево Московской области? Считать ли браки между жителями новосибирского Академгородка и жителями центра города внутригородскими браками? Вот почему все характеристики, в первую очередь социально-демографические, которые в принципе не допускают возможности «точечного» замера⁵, мы предлагаем оставлять за фокусом исследования различия городского пространства. «Простейшая модель узловой районизации предполагает равномошные центры, равномерно расположенные на безграничной однородной плоскости и обладающие поэтому равновеликими зонами влияния. Изолированные зоны были бы круглыми, но при самой плотной укладке кругов на плоскости каждый из них, как известно, соприкасается с шестью соседними. Разделив поровну не покрытые кругами вогнутые дуговые треугольники и присоединив их трети к круглым ареалам, получим районы в виде правильных шестиугольников. Гексагональность узловых районов положена в основу теории центральных поселений В. Кристаллера. Шестиугольность – это как бы изначальное, идеальное свойство не только узловых, но и всех вообще плоских мозаичных районов. Когда их формы и размеры не рассматриваются или не имеют значения, они должны представляться шестиугольными» [12, с. 141].

⁵ «Точечным» мы называем такой замер, который производится в произвольно выбранном исследователем участке городской территории, достаточно малом, чтобы он весь входил в территорию сложившегося докуса – топонимической единицы или административного района. Участок может быть зоной обслуживания АТС, почты, больницы, какого-то рынка, избирательным, переписным, муниципально выделенным, этнически или по застройке выделенным, ландшафтно выделенным, картографическим таксоном.

Мы полагаем, что к блоку методологических проблем относится и вопрос, какие из перечисленных теоретических схем различения и пространства можно превратить в схемы различения городского пространства. Так или иначе, но девять ячеек схемы А. Филиппова [14] не сочетаются с семиологией Р. Барта [18]. Представляется наиболее продуктивным наполнять семантические и антропологические схемы понятийным аппаратом Р. Сеннета, Л. Мамфорда, К. Линча и других [16; 17; 22; 29; 32; 33]. Среди доступных объективных параметров выделяются ценовые характеристики городских земель (например, аренда стандартной квартиры в разных районах) как самые артикулируемые и усредняющие (потребности и желания различных групп).

Что же из этого следует?

Известен пример З. Баумана [14] – химические компании вынуждены наклеивать на упаковки с абсолютно одинаковым веществом разные наклейки, поскольку щепетильной домохозяйке не придет в голову, что можно одно и то же средство использовать в кухне и ванной. Можно предположить, что грамотный маркетолог наклеит на третью такую же упаковку третью наклейку, для ленивых мужчин, которые рады мыть одним средством в ванной, кухне, гараже и коридоре. Метафора очевидна. Общество с некоторыми проблемами идет навстречу тем, кто скрупулезно различает пространство. Некоторые проблемы порождены тем, что часть тех, кто принимает решение, номаден, территориальный дальтоник. Общество в целом не идет навстречу тем, кто не различает пространство в городе, ставя их в дискриминированное положение, поскольку тотальный принцип различения и разделения должен выполняться неукоснительно, ради самого принципа. Такие нестыковки порождают ряд гандикапов и пустого расходования ресурсов. Кто-то замечает, что некоторые классические функции центра города востребованы где угодно (теми, кто не способен различать) – запускается в дело механизм имплозии, сам по себе снижающий и экономическую, и социальную эффективность городского образа жизни, к тому же тщательно воспроизводя (на уровне ритуала) те фрагменты центральных функций, которые носят территориальный, пространственный характер – и не поддаются воспроизведению в гармоничном виде, и совсем не востребованы тем, кому присущ пространственный дальтонизм [9]. Кто-то организует территориальное членение города (ТОС, разнообразные хинтерланды), не сообразуясь с территориальными ощущениями большинства и игнорируя отсутствие территориальной привязанности меньшинства. Кто-то делает включенность в город тех или иных объектов и территорий (проводя кольцевую дорогу, организуя инфраструктуру, самоуправление, хинтерланды), вынося это на обсуждение людей, совершенно не понимающих друг друга. Кто-то приписывает статусным различениям наличие территориального сообщества [1; 7; 8; 18; 22; 25; 31; 32].

В заключение подчеркнем: мелкие технические, процедурные нестыковки принудили нас к поиску и конструированию новых полей, где и можно было поставить методологическую проблему. Мы мало приблизились к разрешению методологических проблем, но создание логических и идейных полей оказалось плодотворным для когнитивной и исследовательской деятельности, расширения области социологии пространства, а также импульсом к дальнейшему развитию методологии социологии в целом.

Литература

1. *Барабаш Н. Б.* Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. М., 1986.

2. *Барт Р.* Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.
3. *Бауман З.* Мыслить социологически. М.: Аспект-пресс, 1996.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М: Медиум, 1995.
5. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М.: Прогресс, 1992.
6. *Высоковский А.* Теоретические модели пространственной организации города // Городское управление. 1998. № 1, 2.
7. *Гольц Г. А.* Влияние транспорта на пространственное развитие городов и агломераций. М., 1972.
8. *Гольц Г. А.* Транспорт и расселение. М., 1981.
9. *Карпов А.Е.* Имплотация городского пространства: проблемы существования центра в городах современной России // Российское городское пространство: попытка осмысления. М.: МОНФ, 2000.
10. *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. М.: АСТ, 1999.
11. *Леви-Стросс К.* Сырое и приготовленное. М., 2000.
12. *Родман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999.
13. Российское городское пространство: попытка осмысления / Серия "Научные доклады". М.: МОНФ, 2000.
14. *Филиппов А.Ф.* Теоретическая логика социологии пространства: различения, схемы и метафоры. Рукопись.
15. *Хомский Н.* Язык и мышление. Язык и проблемы знания. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1999.
16. *Benevolo L.* The European City. Oxford: Blackwell, 1993.
17. *Burtenshaw D., Bateman M., Ashworth G.J.* The European City: A Western Perspective. L.: David Fulton Publ., 1995.
18. *Cities of the Mind. Images and Themes of the City in the Social Sciences / Ed by L. Bodwin, R. Holloster.* N.-Y., L.: Plenum Press, 1984.
19. *Classic Essays on the Culture of Cities / Ed. by R. Sennett.* New Jersey: Prentice Hall, 1969.
20. *Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. L.: Routledge, 1990.
21. *Dux G.* Communicative Reason and Interest: on the Reconstruction of the Normative Order in Societies Structured by Egalitarianism or Domination // Communicative Action. Cambridge: Polity Press, 1991.
22. *Elliott B., McCrone D.* The City: Patterns of Domination and Conflict. Shepperton: McMillan Press, 1982.
23. *Garnham A.* Psycholinguistics. Central topics. L.: Routledge, 1994.
24. *Girouard M.* Cities and People: a Social and Architectural History. New Haven: Yale University Press, 1985.
25. *Handbook of Regional and Urban Economics / Ed. by E.S. Mills.* Vol. 2: Urban Economics. Amsterdam: North Holland, 1987.
26. *Jones E., Eyles J.* An Introduction to Social Geography. Oxford: Oxford University Press, 1977.
27. *Karp D., Stone G., Yoels W.* Being Urban: a Sociology of City Life. N.-Y.: Praeger Publishers, 1991.
28. *Leach E.* Culture and Communication: the Logic by Which Symbols are Connected. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
29. *Lynch K.* A Theory of Good City Form. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

30. *Pahl R.E., Flynn R., Buck N. H.* Structures and Processes of Urban Life. L: Longman, 1983.
31. *Sennett R.* The Conscience of the Eye: the Design and Social Life of Cities. L: Faber and Faber, 1993.
32. *Social Problems and the City: Geographical Perspectives / Ed. by D.T. Herbert, D.M. Smith.* Oxford: Oxford University Press, 1979.
33. *Social Relations and Spatial Structures / Ed. by D. Gregory and J. Urry.* Shepperton: McMillan Press, 1985.